

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА

Автор: А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

Столетие со дня рождения академика Д. Лихачева (1906 - 1999), широко отмечаемое научной общественностью России, вызвало оживленную дискуссию вокруг оставленных им трудов. Разумеется, менее всего эта полемика касалась собственно литературоведческих работ академика, которые, наряду с трудами других великих "древников" Пушкинского Дома - А. Орлова, В. Адриановой-Перетц, В. Малышева, А. Панченко, - давно уже стали классическими. По мере освоения наследия Лихачева¹ гуманитарной научной мыслью все больше привлекают к себе внимание его работы, относящиеся к другим, не литературоведческим, "цехам" гуманитарного знания. То, что раньше воспринималось как публицистика или эссеистика, в последнее время все чаще рассматривается как самоценный вклад в самые разные научные сферы. По крайней мере, словосочетания "философия Лихачева", "Лихачев - историк", "Лихачев - культуролог" уже в полной мере восприняты лексиконом нового поколения ученых-гуманитариев².

По-видимому, на повестке дня - вопрос о признании существенного вклада Лихачева в целый ряд отраслей гуманитарного знания. С одной стороны, это объясняется процессом интеграции современной науки при значительном возрастании роли междисциплинарных исследований - процессом, "обратным" по своей природе той тенденции дифференциации и узкой специализации научной деятельности, которая доминировала в минувшем столетии. С другой стороны, такой подход к наследию Лихачева обусловлен энциклопедическим характером деятельности самого академика.

Даже Лихачев-литературовед оказывается (не побоюсь традиционности в формулировках) "больше, чем литературовед". По крайней мере, знакомство с его трудами, посвященными изучению конкретных текстов древнерусских памятников (хрестоматийной здесь окажется отсылка к работам, посвященным "Слову о полку Игореве"), позволяет заключить, что логика его исследовательского метода предполагает привлечение широкого "контекста", далеко уходящего не только за собственно литературную, но даже и за эстетическую сферы. Лихачев практически всегда как бы строит некую стереоскопическую систему "параллельных влияний", помещая в нее рассматриваемое произведение. Литературные памятники он сопоставляет с живописью, зодчеством, далее - "накладывает" на полученные данные информацию, связанную, например, с религиозно-философскими системами (причем не обязательно синхронными по отношению к ос-

¹ Академическая библиография ученого содержится в [Лихачев, 1989].

² Среди работ данного плана выделю [Лихачев, 1962; 1996; 2006^а; 2006^б].

новному объекту исследования), и т.д. Далее, можно выделить работы, в которых на первый план выходят собственно проблемы культуры как таковой: "Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого", "Петровские реформы и развитие русской культуры", "Русская культура в современном мире". Здесь уже прямо создаются широкие культурологические панорамы человеческой деятельности, в которой литература занимает хотя и важное место, но все же - в ряду других культурных явлений (так сказать, "первая среди равных"). И наконец, можно увидеть и собственно культурологические труды, обращенные к специальным теоретическим аспектам, закономерностям существования и развития культуры как таковой: "Экология культуры", "Культура как целостная среда" и др.³

Таким образом, при осмыслении деятельности Лихачева-ученого трудно настаивать только на его литературоведческой ипостаси. Выходя за границы "чистого" литературоведения, он не просто оказывается затем в "пограничной" зоне, смежной с другими гуманитарными науками, но во всяком случае, если говорить о культурологии, - пересекает эту границу, выходит в сферу "чистой" культурологии.

Возможно ли считать деятельность Лихачева как культуролога если не конгениальным его литературоведческим изысканиям, то, по крайней мере, - исследованием научно состоятельным, - вот вопрос, который сейчас волнует многих. Существует мнение, что все, написанное Лихачевым в этом роде, относится к жанру публицистических размышлений. Не претендуя на исчерпывающий ответ, я хочу привлечь внимание к точке зрения, высказанной в статье Р. Милнер-Гулланда, опубликованной в Шеффилдском журнале "Slavonica" [Mulner-Gulland, 1999/2000].

В отличие от большинства мемуаристов Милнер-Гулланд - исследователь и знаток славянского средневековья, говорит о Лихачеве прежде всего как об ученом, и именно стиль и метод научного мышления академика становятся главным материалом, демонстрирующим специфику его облика в целом. Такой подход, как представляется, исключительно плодотворен при осмыслении целостности "итогового портрета" для многих работ подобного рода оказывается недоступной, подменяясь эпизодами, фрагментами, а то и анекдотами - своеобразным историческим шлейфом, сопровождающим многих выдающихся людей. Особой беды в этом, впрочем, нет. Важно другое: статья Милнер-Гулланда напоминает о главном: во всех своих человеческих, личных, общественных ипостасях Лихачев оставался прежде всего ученым. При всей, казалось бы, бесспорности данного тезиса он имеет, на мой взгляд, большую смысловую глубину, позволяющую скорректировать многие мемуарные версии, подчас очень далекие от собственно научной проблематики.

Как уже отмечалось, именно стиль лихачевского научного мышления - главный объект изображения для британского профессора, причем его характеристика изначально интригует читателя своей парадоксальностью - особенно на фоне традиционного "мемуарного" вступления с милым элегическим "кроком", рисуя Лихачева в домашней обстановке - беседующим с зарубежным гостем о П. Филонове, Д. Хармсе и обэриутах ("Этот несомненно великий человек был полон ощущения радости жизни - именно таким я запомнил его"). Естественно, что читатель, настроившись на дальнейшие мемуарные подробности того же рода ("Его труды не только многочисленны, но и весьма разнообразны... широта научного кругозора ученого удивит любого, кто привык считать его только историком древнерусской литературы", и т.д.), вдруг испытывает нечто вроде холодного душа, читая через абзац следующее определение "специфики разнообразия творчества" Лихачева: "Лихачев на всех уровнях и в лучшем смысле этого слова является популяризатором науки... В своем подходе к науке Д. С. Лихачев не является типичным исследователем "исторических проблем", т.е. тем сортом ученых, которые

³ О разных аспектах культурологического наследия Лихачева см. также [Запесоцкий, 2006^а; 2006^б; 2006^в; 2006^г].

путем кропотливого анализа доходят до сути определенного явления и затем переходят к следующему. Некоторые интеллектуально привередливые читатели были удивлены и скептически настроены к этому свойству его научного метода. Они не понимают, что его задачи и методология имеют характер, принципиально отличающийся от того, что они привыкли считать интеллектуально респектабельным" [Mulner-Gulland, 1999/2000, p. 142 - 143].

И сразу после этого блистательного по своей неожиданности выпада Милнер-Гулланд и переходит, собственно, к тому, что действительно интересует его больше всего в Лихачеве, чему и посвящена львиная доля статьи, ради чего она написана - к лихачевской трактовке культурных влияний вообще ("теория природы и типологии культурного влияния является одним из его наиболее заметных вкладов в теорию истории культуры в целом") и в частности - "позднего" византийско-болгарского влияния; еще конкретнее - к "его важнейшему научному достижению - выявлению периода с принципиально динамическим характером, для которого он выработал тонкое и ставшее сейчас классическим определение - Восточное Предвозрождение" [Mulner-Gulland, 1999/2000, p. 147 - 148].

Слово сказано!

Какая великая честь для ученого попасть в ранг "интеллектуально нереспектабельных", и как мало - несправедливо мало - такой чести удостоиваются!

Речь вот о чем. Естественно, что "интеллектуально-респектабельные" в понимании Милнер-Гулланда литературоведческие штудии - то есть "путь кропотливого (литературоведческого. - А. З.) анализа, доводящего до сути определенного явления", - были Дмитрию Сергеевичу не чужды: хотя бы потому, что он работал в методологическом контексте отдела Древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР, который потом и возглавил, и написал монографию по текстологии (см. [Лихачев, 1962]).

Однако среди действительно многообразного (и подчас очень специального) лихачевского наследия есть группа работ, написанных в разное время, но представляющих целостный цикл, содержащий феерически красивую гипотезу об историческом характере бытия России в конце XIV - начале XV в., - гипотезу, разрушающую стандартные представления о развитии русской цивилизации в последующие столетия. Как пишет Милнер-Гулланд, "то, что было известным как время поражения русской культуры, конец периода монголо-татарского завоевания и времени междоусобной вражды князей, оказывается также временем культурного триумфа. Но триумф и его антитеза - крушение больших надежд на период, который должен был последовать за этим временем, - тонко балансируют и переходят одно в другое. Характеристика Лихачевым позднего средневековья как времени не только потенциальных, но и реальных достижений... вызвала достаточное количество прямой и непрямой критики. В частности, историки искусства увидели в этом покушение на их священную территорию, а византилисты различных дисциплин, как на Востоке, так и на Западе - угрозу своим концепциям "заката и упадка православной Европы" в конце эпохи правления Палеологов. Любой механистический подход к связям между общей историей, политической историей и историей искусств был поставлен под сомнение благодаря способности Лихачева глубоко ценить специфические ценности и эстетические достижения даже не самого выдающегося периода истории. Его исследования, в частности, эстетических функций и значения крайне абстрактного и сложного литературного стиля периода Предвозрождения (периода, который предшествующие специалисты, начиная с В. Ключевского, оценивали как время культурного упадка) привели к революции в нашей оценке литературных достижений позднего средневековья" [Mulner-Gulland, 1999/2000, p. 148].

Автор статьи проявляет в приведенном пассаже чудеса научной "толерантности", однако нельзя не ощутить замечательную эмоциональную насыщенность текста, нельзя не почувствовать, что Милнер-Гулланд одновременно и восхищается Лихачевым, и (очевидно, в качестве носителя "интеллектуально-респектабельного" стиля мышления) в какой-то мере "ужасается", ибо Дмитрий Сергеевич сознательно и бескомпромиссно нарушает в этих работах традиционно принятые в кругах академического литературо-

ведения "правила игры", уходя из собственно-литературоведческой сферы в сферу культурологическую.

Впрочем, здесь требуется пояснение.

Поскольку Лихачев в завершающий его научную биографию период был тесно связан с Санкт-Петербургским гуманитарным университетом профсоюзов, мы, отмечая юбилей нашего первого Почетного доктора, решили издать книгу его трудов, собрав - в соответствии с профилем вуза - те работы, которые связаны не с "чистым" литературоведением, а с культурологическим аспектом лихачевской деятельности [Лихачев, 2006⁶]. Естественно, что статьи, содержащие лихачевскую реконструкцию пути России от времен Восточного Предвозрождения до петербургского периода, заняли в ней одно из главных мест. Теперь и широкий круг читателей вслед за Лихачевым могут немного побыть "интеллектуально нереспектабельными" и оценить красоту этой гипотезы.

Как отмечал Лихачев, "ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами об ее истории, как Россия", и причина этому "в том, что в русской истории играли огромную роль различные "теории", идеология, тенденциозное освещение настоящего и прошлого". Так, для осуществления петровской реформы "потребовались совершенно искаженные представления о предшествующей русской истории. Раз необходимо было большее сближение с Европой, значит, надо было утверждать, что Россия была совершенно отгорожена от Европы. Раз надо было быстрее двигаться вперед, значит, необходимо было создать миф о России косной, малоподвижной и т.д. Раз нужна была новая культура, значит, старая никуда не годилась. Как это часто случалось в русской жизни, для движения вперед требовался основательный удар по всему старому. И это удалось сделать с такой энергией, что вся семивековая русская история была отвергнута и оклеветана. Создателем мифа об истории России был Петр Великий" [Лихачев, 2006⁶, с. 191 - 192].

Подобное мифотворчество продолжалось и позднее, когда петровские реформы оставались злобой дня: "Люди XIX в. повсюду видели вокруг себя то, что было реформировано Петром, и то, что оставалось нетронутым его преобразованиями. Нетронутыми петровскими реформами оказались по преимуществу низшие слои общества - крестьяне. И вот отсюда у людей XIX в. сложилось впечатление, что быт крестьян и вообще быт низших слоев населения - это и есть быт Древней Руси, культурный уровень крестьян - это культурный уровень Древней Руси... И западники, и славянофилы одинаково выделяли основные признаки культуры Древней Руси, но только у одних эти признаки стояли со знаком минус, а у других - со знаком плюс... Неудивительно, что представления о Древней Руси как о крестьянском царстве, в котором и верхи, и низы общества жили одной и той же малоподвижной и в общем низкой культурой, были широко распространены... В частности, они проникли и в немецкие истории всеобщих искусств: Куглера, Э. Ферстера, Шназе. Эти истории искусств переводились затем на русский язык, и здесь эти ограниченные представления возвращались на родную почву - в Россию, но с уже ярко выраженной враждебной к русской культуре окраской" [Лихачев, 2006⁶, с. 173 - 174, 177].

Каждый читающий эти лихачевские строки, думаю, вспомнит тот странный "провал" в общей картине истории, которая по традиции запечатлевалась в умах российских школьников или даже студентов: яркие образы варяжских князей, Владимир и Крещение Руси, собственно Киевская Русь, нашествие Батые (первая половина XIII в.)... А дальше - многовековая, вплоть до Иоанна Грозного, Бориса Годунова (середина-конец XVI в.) и Смутного времени с избранием Романовых (1613) пауза (с фрагментарными "картинками" Куликовской битвы и, может быть, какими-то историческими новеллами вроде истории Марфы Борецкой).

Важно упомянуть и о состоявшихся в мае 2006 г. Лихачевских научных чтениях, также приуроченных к юбилею академика (см. [Гуманитарные... 2006]).

Именно об этом времени и рассказывает Лихачев в замечательной работе "Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого". Необычность данной работы начинается уже с заголовка: Лихачев сразу же предлагает читателю задуматься над тем, может ли называться временем "культурного упадка" период, связанный с именами великих художников (название "Культура Руси конца XIV - начала XV веков" прозвучало бы - не правда ли? - иначе). Это именно культурологический подход, при котором появление гениальных художественных произведений опознается как симптом, характеризующий специфику общеисторического момента, история искусства начинает свидетельствовать об истории как таковой: "Андрей Рублев был первым русским живописцем, в творчестве которого с особенной силой сказались национальные черты. Высокий гуманизм, чувство человеческого достоинства - черты не лично авторские: они взяты им из окружающей действительности. В этом убеждает тот образ человека, который воплощен в произведениях Рублева. Он не мог быть выдуман художником: он реально существовал в русской жизни. Грубые и дикие нравы не могли дать той утонченной и изящной человечности, которая зримо присутствует в произведениях Рублева и его школы. Если бы от XIV-XV вв. не сохранилось ничего, кроме произведений Рублева, то они одни могли бы ясно свидетельствовать о высоком развитии на Руси XIV-XV вв, как человеческой личности, так и общественной культуры" [Лихачев, 2006⁶, с. 199-420].

Известно, что "видеть" и "увидеть" - вещи разные. Лихачев созерцает реалии отечественной истории этой "темной" (как казалось его предшественникам) поры сквозь выстроенную им систему общеевропейских культурно-исторических аналогий и в прямом смысле позволяет своим читателям увидеть их в новом свете: "XIV в. - век Предвозрождения - является одновременно веком интенсивного сложения элементов национальных культур по всей Европе. Момент национального самосознания - один из самых показательных для эпохи нарождающегося гуманизма. Во Франции к этому времени относятся деяния Жанны д'Арк, призывы в литературе к единству французов, к прекращению феодальных распрей. Крепнет французское национальное самосознание. Оформляется среднефранцузский язык. В Италии на рубеже XIII и XIV вв. образуется общетальянский язык. Призывы к объединению Италии звучат в произведениях Данте и Петрарки. Патриотическое чувство итальянцев, видевших в римлянах своих предков, - один из самых мощных стимулов возрождения классической древности в Италии. В Англии к концу XIII - началу XIV в. относится слияние англосаксов и норманнов в одну английскую национальность. В 1362 г. в английском суде вместо французского вводится английский язык. В 1363 - 1364 гг. парламент впервые открывается речами канцлера на общенародном английском (так называемом среднеанглийском) языке. В конце XIII-XIV в. создается общенемецкий язык. XV в. - век гуситских войн и национального подъема в Чехии.

Подобно этому в России к XIV-XV вв. относится сложение русской национальной культуры. Национальные элементы отдельных культур, возникнув почти одновременно по всей Европе, получают реальную опору в организации собственного национального русского государства. Вот почему национальное своеобразие русской культуры XIV-XV вв. выражено особенно отчетливо. Крепнет единство русского языка. Русская литература строго подчинена теме государственного строительства. Русская архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие" [Лихачев, 2006⁶, с. 96 - 97].

В этом общеевропейском историко-стилистическом контексте совершенно иначе видятся и действия московских князей, столь жестко заклеянных в свое время одним из главных "оппонентов" Лихачева - В. Ключевским, чью цитату Дмитрий Сергеевич мастерски переосмысливает в своей характеристике "грозной" московской власти: "Не гений отдельных лиц владел политикой Москвы, но неизменная, передававшаяся из рода в род политическая мысль. Несходные личной судьбой и личными характерами, все московские князья схожи тем не менее между собой поразительным единством своей политики. Именно поэтому Ключевский сказал о московских князьях, что все они "как две капли воды похожи друг на друга"" [Лихачев, 2006⁶, с. 90]. Ни одно европейское государство XIV-XV вв. не знает такой обдуманной, неизменной, единообразной, даль-

видной и упорной в достижении широко поставленных задач политики. Всеми московскими князьями владела забота о государственном самосохранении. И даже упоминая об усобице середины XV в. между Василием Темным и Дмитрием Шемякой, Лихачев лаконично замечает, что эта война, "сопровождавшаяся политическими убийствами, отравлениями и ослеплениями, по своей жестокости и опустошительности напоминает современную ей войну Алой и Белой розы в Англии" [Лихачев, 2006⁶, с. 91].

Лихачев разворачивает перед читателями грандиозную картину двух культурных стихий европейского Предвозрождения - на католическом Западе и на православном Востоке, показывает оригинальность положения России, выстраивая свои особые отношения с поздней Византией и южнославянскими странами, и заключает, что "обращение поднимающейся Москвы, Твери и Новгорода к владимирской, киевской и новгородской древности соответствует обращению Запада к классическим источникам и восточнославянское Предвозрождение представляет собой преодоление темных веков чужого ига. Русское Предвозрождение XIV-XV веков отнюдь не является сугубо местным и вместе с тем обладает местными чертами. Оно возникает благодаря подъему экономики, развитию городов и ремесел, благодаря политическому подъему, связанному с успехом борьбы с чужеземным игом и начавшимся объединением Руси. Однако, имея местные стимулы, оно имеет и наднациональные черты, объединяясь с общим движением, охватившим всю Европу" [Лихачев, 2006⁶, с. 160 - 161].

Что же получается? Вместо отсталой страны, находящейся на задворках Европы и едва ли не насильно присоединенной к европейской цивилизации титанической, но якобы чуждой русскому народу волей Петра Великого, перед нами предстает держава, никуда из этой самой европейской цивилизации не выходившая, страна, начавшая свое движение к Новому времени одновременно с другими крупнейшими европейскими государствами: "Эпоха петровских реформ была подготовлена всеми линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV веку... Чем больше мы изучаем изменения и развитие русской культуры в XIV-XVII вв., с одной стороны, и ее судьбу в новое время - в XVIII и XIX вв. - с другой, тем отчетливее цельность всего процесса. В этом цельном процессе эпоха петровских реформ была эпохой "осознания" совершающегося и потому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры" [Лихачев, 2006⁶, с. 170].

В статье Милнера-Гулланда констатируется: "Интерес Лихачева к динамике культуры привел его к переоценке всей системы недостаточно изученных моментов переходных периодов и тех точек, где разные культурные явления входят в контакт и создают новые модели цивилизации". Это представляется справедливым. С чем нельзя согласиться, так это с фразой британского коллеги о "перевоплощении" Лихачева "в общественного гуру международного уровня, начиная с периода гласности": "Конечно, Д. С. Лихачев продолжал активно писать почти до последних дней своей жизни, однако его последние работы носили скорее журналистский характер, поэтому... представляется справедливым отметить, что его основные научные труды были завершены к 1977 г." [Mulner-Gulland, 1999/2000, p. 149,141].

И дело даже не в том, что в 1993 г. Лихачев прочел в нашем университете уникальную по своему научному значению лекцию "Петербург в истории русской культуры", а в 1995 г. разработал вместе с учеными нашего университета "Декларацию прав культуры" - документ, уже нашедший отражение в двух конвенциях ЮНЕСКО. Лихачев никак не мог быть только "общественным гуру международного уровня", поскольку его действия и до "периода гласности", и во время этого периода, и даже по его истечении были продиктованы ясными и совершенно логичными выводами из собственных научных трудов. Установив генетическую связь русской культуры с европейской цивилизацией и видя в частичном разрушении данной связи в советский период российской истории неестественное для страны состояние, он просто не мог не содействовать преодолению этого исторического ущерба. Поэтому даже в работах "журналистского" характера он продолжал оставаться ученым, выстраивающим свою позицию на основании полученных им научных данных.

Конечно, в 1990-е гг. на первый план для академика вышли собственно культурологические проблемы. Но, как можно было убедиться, он достаточно органично чувствовал себя в культурологии и "до 1977 г.". И, как справедливо пишет Милнер-Гулланд об академике Лихачеве, "он является наиболее убедительным адвокатом богатства тысячелетнего культурного опыта России из всех известных нашему поколению" [Mulner-Gulland, 1999/2000, p. 150].

С этим нельзя не согласиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26 - 27 мая 2006 г. СПб., 2006.

Запесоцкий А. С. Д. С. Лихачев - выдающийся гражданин, просветитель, ученый // Вестник РАН. 2006^с. N 10.

Запесоцкий А. С. Культура как смысл жизни // Звезда. 2006^а. N11.

Запесоцкий А. С. О научном наследии Дмитрия Лихачева // Вопросы литературы. 2006^в. N 6.

Запесоцкий А. С. О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева // Вопросы философии. 2006^г. N 12.

Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. СПб., 1996.

Лихачев Дмитрий Сергеевич. М., 1989.

Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006^с.

Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X-XVII вв. М. -Л., 1962.

Лихачев Д. С. Университетские встречи. 16 текстов. СПб., 2006^а.

Mulner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906 - 1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6. N1.